

кратии, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом¹, а Маврикий Стратиг присовокупляет, что „племена славян и антов сходны... по своей любви к свободе“².

Вот почему опустошительные славянские вторжения находили широкий отклик в сердцах порабожденных масс. Они отвечали собственным чаяниям и надеждам этих масс, и в то время как знатные и богатые люди перед лицом вторгавшихся славян зарывали в землю свои сокровища, хватали из своих пожитков все, что могли, и бежали от врага либо в укрепленные города, либо в глубокий тыл, — угнетенные массы с чувством радости ожидали и встречали пришельцев с того берега реки, не видя в них своих врагов.

В этом была сила славян и слабость империи. Прокопий, говоря о времени Юстиниана, пишет: „Народ большими толпами убежал не только к варварам, но и к римлянам, живущим далеко за римскими пределами, и в каждой области, в каждом городе можно было видеть все большее количество пришлых (ξένους). Чтобы только скрыться от родной земли, каждый из них охотно менял ее на любую чужую землю, как будто бы их родина была захвачена врагами“³.

Движение скамаров, сочетавшееся со вторжениями славян, облегчило последним утверждение на византийской территории. Вот почему никакие преграды не могли обезопасить империю от славянских вторжений. Мы знаем, какое большое строительство укреплений на Дунае и в горных проходах Балканского полуострова предпринял Юстиниан. Прокопий в „Тайной истории“ называет эти постройки „безумными“ и указывает, что они поглотили огромное количество средств и сил, но так и не достигли цели. Никакие крепости не могли остановить славян, действовавших в контакте с порабожденными массами восточно-римских провинций.

Из отрывочных данных наших источников можно заключить, что это взаимодействие славян с скамарами в борьбе против византийской империи продолжалось весьма долгое время.

Так, Менандр рассказывает, что в 570 г., после заключения мира между аvaraми и византийским императором Юстином II, скамары опустошали местности, смежные с Гемом, где они имели свои поселения. Они напали на большой обоз аварского кагана Баяна, послы которого возвращались из Константинополя. Обратив конвой обоза в беспорядочное бегство, скамары захватили лошадей, повозки, серебро и все, что находилось в обозе⁴. Это не был простой грабеж. Мы знаем, что славяне в это время находились во враждебных отношениях с аvaraми, поселившимися в 568 г. в Паннонии и пытавшимися покорить славян. С своей стороны император Юстин II, не имея достаточно войска, заключил союз с аварским каганом, чтобы совместными усилиями напасть на славян⁵. В такой ситуации скамары, выступая против послов Баяна, договорившегося о союзе с Юстином II, несомненно действовали как союзники славян.

¹ Procop. De bello Gothico, III, 14.

² Mauricii Strategicon, XI, 5.

³ Procop. Anecd., II, 38—39.

⁴ Menander, fr. 35. FHG, t. IV, p. 237: „Ὅτι τῶν Ἀβάρων σπειραμένων καὶ ἐς τὰ οἰκῆτα ἀπερχομένων, οἱ Σκάρμοι ἐγγυφίως ὀνομαζόμενοι ἐνεδρεύσαντες ἀφείλοντο ἵππους τε καὶ ἄρθυρον καὶ ἑτέραν ἀποσκευήν.“

⁵ L. Hauptmann. Les rapports des Byzantins avec les Slaves et les Avars pendant la seconde moitié du VIe siècle, Byzantion., t. IV (1927—1928), p. 154; E. Stein, Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II. Stuttgart, 1919, S. 46, 53.